

ЭНН ЭРНИТС (Тарту)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СЕМАНТИКЕ КОРНЯ *kVr-* В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Для языков разных семей общим является то, что корень *kVr-* может обозначать 1) скалистое образование или шероховатость, 2) болото или грязь и 3) ветвь, куст, кустарник, дерево или лес. Слова первой семантической группы возведены к ностратическому **kar* 'скала, крутая возвышенность' (Иллич-Свитыч 1971 : 340—341). Лексемы с остальными значениями, по нашим данным, в совокупности не изучены. Конечно, мы до конца не убеждены в ностратическом родстве, ведь лексические сходства объясняются а) родством, б) заимствованием, в) параллельным, самостоятельным возникновением на лингвopsихологической и других основах и г) случайностью. Эти факторы, к сожалению, трудно различимы и при рассмотрении слов с *kVr-*.

'Ветвь, куст, кустарник, дерево, лес'

**kar-*. Первоначальным значением фин. *kara* '(lukossa avaimen sisään työntävä) tappi; (auran) ruodin; (puukon) ruoto; kova ja kuiva (havupuun) oksa; (sonnin) suoro' и эст. *kara* 'eläimen suoro; (kellon) kieli' (SKES I 160) было, по всей видимости, 'засохшая, твердая ветвь'. На это указывают предполагаемые производные, а именно фин. *karahka, karakka* 'näre, kuusen vesa; puolikuiva näre', *karas* 'pitkä kuusenoksa, josta tehdään tynnyrin vanne', *karanka, karanko* 'seiväs, saitta, kuivunut paksuhko kuusenoksa', *karankokuusi* 'kova oksaton t. pienioktainen kuusi', кар. *karango* 'jokeen joutunut karakka; kuiva puu', күзен *karangahaine* 'kuivunut kuusi', вепс. *kukin-karand* 'ohdake'.

Не исключено, что к **kar-* относится коми и удм. *карнан* 'коромысло' (см. **kor-*), до сих пор под вопросом сопоставленное с другими финно-угорскими словами того же значения (SKES II 218; КЭСК 117).

В севернорусских диалектах встречается *карен(ь)га* ~ *кореньга*. Его семантическое развитие шло в двух направлениях: 1) 'кривое, сучковатое дерево, негодное для постройки дома; сучковатый обрубок дерева' → 'сучковатый лес' → 'непроходимый лес' и 2) 'мелкий березовый кустарник' → 'сырая, густо поросшая ивняком и ольхой местность' → 'лесное болото, топь' (см. СРНГ; СНГТ 261). Исходным значением первого семантического ряда является 'сухое дерево', поэтому *каренга* причисляется к заимствованиям из прибалтийско-финских языков (Kalima 1919 : 106; ЭСРЯ II 198). По всей видимости, второй семантический ряд развивался во взаимоотношениях двух корней *kar-* со значениями 'дерево; лес' и 'болото, грязь' (см. ниже).

Из-за отсутствия возможности пользоваться этимологическими словарями современных индоиранских языков остается невыясненным

отношение афг. *харанга* 'сук, сучок', а также *карэй* 'высохшая рас- трескавшаяся глина или ил', хинди *карй* 'балка; стропило' и *карувār* 'шест; весло' (АПС 375, 672; ХРС 238, 239). С понятием 'сухой, твер- дый' может ассоциироваться санскр. *кара́нка* 'skull; skeleton; heap of bones; bone' (Edgerton 1985 : 169).

**karč-*. Эта, по меньшей мере, праприбалтийско-волжская основа со значением 'ветвь, хворост' засвидетельствована в следующих сло- вах: фин. *karhi*, эст. *karuâes* 'Egge aus ästigem Zweig', эрз. *kurčt, karčt* 'Reisig und allerlei Abfall', мокш. *karča* 'Reis', мар. *karša* 'verfaulte Zweige und Ruten im Wasser, der Windbruch'; из волжских языков она попала и в русский язык (UEW II 646; SKES I 162). Однако, по ЭСРЯ (II 205), рус. *капча, карша* 'ствол дерева за сучьями, принесен- ный течением и застрявший в иле; коряга' считается генуинным (ср. рус. *корч* 'выкорчеванный пенё', укр. *корч* 'куст'), а марийское слово — заимствованием из него, что и фонетически, и семантически менее вероятно.

?**kart-*. Не вполне ясно, является ли вепс. *kardank-kuž* 'крепкая, смолистая ель с тонким слоем заболони' (СВЯ 180) по отношению к *-d-* случайным преобразованием (ср. *kukin̄karand*) на какой-то ассо- циативной основе, или здесь скрыта другая праформа. Косвенным свидетельством в пользу предполагаемой праформы служит записан- ное в Пермской области рус. *кардач* 'болотистое место, покрытое гу- стым кустарником или мелким лесом' (СРНГ XIII 85), которое, види- мо, заимствовано из какого-то финно-угорского языка. О связи 'лес' и 'болото' см. ниже. Интересно отметить также прус. *kartano* 'шест, жердь', литов. *kártis* 'жердь; кол для хмеля' и др. (см. ПЯ 237—238).

**ker-*. С коми *кер* и удм. *кор* 'бревно' можно сравнить, по-види- мому, коми *керавны*, удм. *кораны* и эрз. *керямс* 'рубить'. Вопреки КЭСК (121) мар. *кыраш* 'колотить, стучать, бить' сюда, по нашему мнению, не относится.

**kor-*. В SKES (II 218) фин. *korento* и эст. *kõrend* 'tanko, riuku' со- поставлены с эрз. *kuřtsa*, мокш. *kařtse* '(vedenkanto)korento', ? коми *karnan, karlan* '(vedenkanto)korento', ? удм. *karnan, karlan* '(ve- denkanto)korento; airo; sudenkorento', ? венг. *hord* 'kantaa'. По нашему мнению, сомнительные для сравнения пермские слова можно возвести к **kar-* (см.). Первоначальное значение прибалтийско-финских и мор- довских слов связано не с 'носить', а скорее с эст. *kõre* 'высокая, засохшая земля; высокий и прямой', *kõrendik* 'высокое дерево; моло- дой лес', *kõrestik* 'засохшая земля; лес' (VMS I 340, 341). С ними, по-видимому, родственны коми *корѳс* 'скирд, долгая кладь хлеба' → 'сушилка' и удм. *куарсатыны* 'сушить на солнце, на ветру' (см. КЭСК 134), общеперм. **kwōrs-* позволяет восстановить доперм. **kor-*. Всех их объединяет прзначение 'сухой'.

**corp-*. Традиционно фин. *korpi*, эст. *kõrb* и др. 'synkkä metsä, kostea (etupäässä kuusi-)metsä' под вопросом сравниваются с манс. *khōrēp* 'lehtikuusimetsä', *khworēp* 'sembrametsä', *qōrip* 'koivumetsä', нен. *hōrb, kārβ* 'lehtikuusi' и др. (SKES II 219; EEW IV 1100). По утверждению К. Редей, мансийские лексемы восходят к **kur-* (см.). Пбф. **corp-* прдставляет собой контаминацию значений 'лес' и 'болото' (см. ниже).

**kur-*. К. Редей выделяет ур. **kurz* 'Gebüsch; dichter Wald' с при- влечением под вопросом эрз. *kal-kuro* 'Weidengebüsch', хант. *χār* 'Nadelwald', упомянутые мансийские соответствия (см. **corp-*), нен. *kūr* 'dichter Wald oder Gebüsch an Flußufeln', в отличие от других авторов, справедливо отрицая прямую связь с фин. *karahka* (см. **kar-*), эст. *kōrik* 'tiefes Buschland' (см. **kor-*) и саам. *kārrev* 'niedriger, lichter

Kleinwald' (UEW I 217) ввиду разного вокализма: все они составляют отдельные словарные гнезда (см.). Однако в группе слов, выражающих 'засохшее дерево', следует отметить фин. *kurikka* 'дубина, колотушка; валец' (SKES II 224). В списке слов с **kur-* хочется привести эст. *kurestik*, *kurevik*, *kuredik* 'чаща', *kuristik* 'чащоба' (VMS I 320, 321). Сюда не относится *kuristik* 'ущелье'. См. также **kurs-*, фин. *kursikko* 'кустарник'.

**kär-*. К этой праформе можно возвести саам. *skierle* 'Betula nana (dwarf-birch)', *skieräs* 'terrain with dwarf-birch growing on it', хант. *keräs* 'an Flussufer wachsende Buschart; Salix sibirica', *karamsa* 'Gerbenweide' (DEWOS 674, 680).

В финно-угорских языках существует 'ветвь; куст; дерево; лес', обозначаемое корнем *kVr-* с гласными *a*, *e*, *o*, *u*, *ä*. Часто они выражают названное сводное понятие в связи с идеей о сухости, в остальных же случаях, наоборот, наблюдается контаминация с понятием 'влага, болото'.

Аналогичное явление встречается в русском и, в большей мере, в балтских языках, например, литов. *kirba* 'топь, трясина', *kirna* 'коряга; низкий кустарник; пень срубленного куста; поросшее кустами мокрое место; вынесенный на берег реки водой корень дерева или куста', *kirnis* 'топь, трясина', *kartis* 'жердь; шест', прус. *corto* 'роща', *kartano* 'шест; жердь', латыш. *cers* 'куст; заросшее место на болоте' (ПЯ 15, 17, 131 и сл.; LEW I 241, 256). Вне русской и балтской сфер такое богатое семантическое развитие *kVr-* в индоевропейских языках, по-видимому, не наблюдается, что, по крайней мере частично, объясняется природными условиями. При этом прямых заимствований обнаружить не удалось, но все-таки не следует такую возможность упускать из виду, ибо, например, фин. *kärväin* 'heinäseiväs', эст. *kärbis* 'kuivatuslaitteenä käytetty oksainen puu' (см. SKES II 261) долгое время считались гетуинскими прибалтийско-финскими лексемами, однако в новейшее время причислены к древним германским заимствованиям (см. Nikkilä 1987 : 238).

Приведенные балтские слова возведены разными авторами к различным корням: *(*s*)*ker-* 'резать, отделять, расширять' (LEW I 241) и **ker-* 'висеть; вешать' (ПЯ 132) и др. При этом 'резать' заслуживает пристального внимания. В. М. Иллич-Свитыч (1976 : 103) выделил нострат. *qurl* 'острие, резать' и привел соответствия из семито-хамитских, картвельских, уральских, дравидийских и алтайских языков. Среди уральских примеров названы фин. *kuras*, эст. *kurask* 'нож' и др. Упомянутое *kurikka* 'дубинка' справедливо считается возможным производным от *kuras* 'нож' (SKES II 224). По-видимому, сюда относится и коми *кырышты* 'разрезать, вскрыть', удм. *кырыны* 'распороть (шов)' и сельк. *kore* 'разрезать' (примеры из КЭСК 154). В общем, не исключено, что *kVr-* 'резать' в разных языках имеет оноματοпоэтический источник, связанный с подражанием звука *kr* при разделении сухого деревянного или иного материала.

'Грязь, болото' и 'лес + болото'

**kar-*. В прибалтийско-финских языках корень **kar-*, по нашему мнению, встречается в названиях некоторых видов болотных ягод. В западной Эстонии мооршка известна под названием *kaarel*, *kaarlas*, *kaarmas*, *kaarmes*, *kaarmari*, *kaarnas* (VMS I 146). В ЕЕВ (624, 625, 714) они сопоставлены с орнитонимом *kaaren* 'ворон'. Семантически такой подход вряд ли правдоподобен, так как в данном случае аналогия по цвету не действует. Это словарное гнездо требует пристального

внимания со стороны диалектологов, однако, как очевидно показывает *kaarvari*, можно исходить из первоначального значения **kār-* + *marja* 'болотная ягода'; другие варианты являются деноминальными производными. Композитум, второй компонент которого означает ягоду, в свое время был предложен и Л. Кеттуном (Kettunen 1922:2): **karva-pōla* 'волос-ягода'. По нашему предположению, фин. *karpalo*, *karpala*, *karpale*, эст. диал. *karbalas*, лив. *garban*, кар. *garba*, вепс. *garbol*, изначальное значение которых до сих пор не выяснено (см. SKES I 164; EEW 703), связаны с понятием 'болото', типологически ср. коми *нюрмоль* 'клюква' от *ныр* 'болото' + *моль* 'пуговка, косточка, бусинка', *кадмоль* 'клюква' от *кад* 'заболоченное озеро; топкий, зыбкий, болотистый берег' + *моль* (Ракин 1984:165). Таким образом, возможно, что и прибалтийско-финское слово первоначально было сложным, состоявшим из **kar-* (?*kār-*) 'болото' и *marja* 'ягода' (эст. *poolas*, фин. *puola* и др. 'брусника', южновепс. *bol* 'брусника; ягода' и др.; SKES III 645). О возможности такого рода композитума свидетельствует, например, коми *туринув* 'клюква' от *тури* 'журавль' + *нув* 'брусника' (Ракин 1984:164). В прибалтийско-финском слове реально предположить метатезу и укорочение инлаутного гласного: **karpōla* > **kar-pola* > **karpalo*. О связи понятий 'болото' и 'лес' ~ 'дерево' см. **kār-k-*.

К **kar-* или **karr-* восходят саам. *karrii* 'Sumpf, Moor, auf dem hier und da kleine Kiefern wachsen', *kārree* 'Moorwald;? Wildnis, tiefer, dichter Wald; «корпи»' (IW 263, 286). С инарисаамскими данными сравнивают саамК *kārrev*, *kārrev* 'mäntynäreikko' (KKS 93).

По нашему утверждению, **kar-* имеет ономатопозитическое начало и связывается со звуком, издаваемым жидкостью. На это указывает нен. *хәрна* 'течь, литься, бежать (о жидкости)' (при этом ср. *хөрналць* 'начать литься слабой струей (о жидкости, падающей на воду или на снег)' (НПС 750, 772), санскрит, *gārgara* 'rauschender Wasserstrom, Wasserstrudel' (EWA 317), баск. *gargara* 'Murmeln, Rauschen (Wasser)' (EWBS 420), лезг. *кьар* 'грязь, ил, тина', *кьаркьар* — звукоподражание бульканью (ЛРС 197, 198), хауса *kwarara* 'fliessen, strömen' (WHD 98).

Слова со значениями 'грязь' и 'болото' можно сопоставить, ибо в разных языках понятие болота часто развивалось следующим образом: 'грязь' → 'топь' → 'болото', ср. рус. *болото*, польск. *bloto* 'грязь', албан. *ballë* 'топь, болото' и др. (ЭСРЯ I 190); древневерхненем. *horo* 'болото' (ПЯ 28), *hor-g* 'грязный', ирл. *corcach* 'болото' (Макаев 1970:93). Итак, тип **kar-* мог возникнуть в результате имитации звука, издаваемого водой при топтании в грязи или болоте.

В пользу ономатопозитического происхождения многих слов со значением 'болото' или 'грязь', говорят также различающиеся гласные и согласные соответствующих лексем в разных языках, причем они часто не восходят к единому архетипу; ср. швед. *kärr*, дат. *kær* 'болото, трясина; топь' < праиндоевроп. **gers-* (DEO 218; SEO 387); древневерхненем. *horo* и др. < праиндоевроп. **ker-* ~ **kwer-* (Макаев 1970:93), перс. *xār(pe)*, *xārd* (ПРС 542, 545, 550), афг. *xāra* 'наносный ил; муть' (АРС 376), перс. *кор(ā)c* 'грязь на теле', *керэфт*, *черк* 'грязь; гной' (ПРС 319, 320, 466), лезг. *кьар*, *кьуруш* 'грязь, ил, тина' (РЛС 155; ЛРС 197) и др. Поэтому сопоставление слов с подобными значениями затруднительно: существуют разновременные как генуинные, так и заимствованные лексем; во многих случаях наблюдается их довольно большой возраст.

**kār-k-*. В финно-угорских языках встречаются следующие слова с

**kark-*, имеющие значение 'болото' или 'грязь': фин. *kaarkema* 'болото' (Kalima 1919: 105), саам. *garlgoo* 'waldbewachsene grössere Insel in einem Moor' (WWM 44), *kargaš* 'morastiges Waldgebiet' (KKS 91), эрз. *каргоць* 'грязный, неопрятный, чумазный' (ЭСР 90), хант. *ḱarkšis* (~ *ḱarkšis*) *päj, ḱärpšis miḱ* 'сухой островок среди топкого болота' (СВХД 146; DEWOS 553).

Фин. *kaarkema* представляет собой, по всей видимости, суффиксальное производное от **kark-*. Суффикс *-ma*, маркирующий место, не всегда изменяет основное значение слова, ср. фин. *kalja* ~ *kaljama* 'liukas raikka' (Наkulinen 1968: 111). Удлинение *a* перед *r* в финском языке — довольно обычное явление, ср. фин. *paarma* ~ эст. *part* 'овод'. Не исключено, что из-за данного удлинения произошло превращение **a* > *e*. С другой стороны, возможно и наличие первоначального долгого гласного, что подчеркивало бы дескриптивность рассматриваемой лексемы (ср. также фин. *kaark(k)o* ~ *karkko*, SKES I 135).

Эрз. *каргоць* содержит, по-видимому, суффикс, восходящий к ф.-у. **-č*.

В упомянутых хантыйских примерах *päj* 'куча, бугор, островок (например, леса)' и *miḱ* 'кочка' (СВХД 255, 343), т. е. буквальные переводы сочетаний — 'болотный островок' и 'болотная кочка'. Слово *ḱarkšis* 'болото' имеет или аффиктивный суффикс *-šis*, или *-kiš* (Sauer 1967: 157, 163—165). В последнем случае можно полагать основу **kar-*.

В севернорусских диалектах известны заимствования **kark-* из прибалтийско-финских или саамских языков. Рус. *карга* 'сырое, густо поросшее ивняком или ольхой место; лесное болото; кочки на болоте' сравнивают либо с фин. *kaarkema*, либо с саам. *kargo* 'mäki; kumpu soiden keskellä' (Kalima 1919: 105; ЭСРЯ II 196). Такого же мнения придерживаются и относительно рус. *каргац* 'заросшее травой место на озере; заболоченный, заросший травой берег озера' на территории былого проживания вепсов (Субботина 1983: 83). На заимствование из прибалтийско-финского языка указывает и местный суффикс *-la* в севернорус. *каргала* 'сырое, густо поросшее ивняком или ольхой место' (СРНГ XIII 85). Саам *kargo* ~ *garlgoo* выражает контаминацию с понятием 'гора, скала' (ср. при этом саамН *gargo* 'hiekkasärkkä, kari'), сопоставленным с эст. *kärk, kargas* 'steinerne Anhöhe; steinerne seichte Stelle in einem Fluß oder See; bewachsene Stelle im Morast, Morastinsel, Anhöhe' (EEW II 38; EKMS I 778, 1301; II 583, 584).

В некоторых случаях рус. *корга* имеет значение 'лесное болото', в основном же оно связано с понятием 'бревно, коряга'. Возможно, но не обязательно, что слово с первым из групп значений восходит к пбф. **kark-*, ср. также *корги* 'кочки и коряги на болоте' (СРНГ XIV 312, 313), в котором видна контаминация со словами 'бревно', имеющими, по ЭСРЯ (II 323), исконно славянское происхождение. Севернорус. *карга* передает также значение 'дерево', а именно 'искривленное дерево; вывороченный с корнями пенёк; коряга, бревно и т. п. на дне водоема; выступающие из земли корни деревьев на болоте' (СРНГ XIII 83). При этом семасиологический анализ затруднителен, поскольку в русском языке имеются и сходные генуинные слова: *корь* 'небольшой лесок, низкое болотистое место; болотце среди поля, заросшее лесом, кустарником или кочковатое' и *коряга* 'сырая, густо поросшая ивняком или ольхой местность' (СРНГ; СНГТ 292—293). Можно добавить, что аналогичная контаминация значений 'болото' и 'лес' наблюдается и в других случаях. Так, развитие рус. *забока* 'залив, вдавшаяся в берег часть реки' продолжалось следующим путем: 'заболоченный залив' →

'заболоченная прибрежная местность' → 'заболоченная прибрежная местность, поросшая травой и кустарником' → 'лес на берегу реки' (Панин 1985 : 158).

Является ли пбф. **kark-* простым корнем или же основой **kar-* с суффиксом *-k-*, трудно установить: предполагаемое ономастопозитическое происхождение не исключает первого варианта. Возникновение подобных корней могло произойти в разное время, на что указывают примеры из неродственных языков. Так, афг. *karFér* 'грязь' (АРС 669), перс. *черк* 'грязь' (ПРС 466), тадж. *қарқ* 'грязь' (РТС 122) представляют собой явные инновации, ибо по анлаутному согласному или по вокализму (см. персидский пример) их нельзя возвести к праиндоевроп. **k^wer-* 'грязь', Сходные лексемы имеются в аварском (*к^эарга* 'грязь'; РАС 175) и в тунгусо-маньчжурских языках (ульч. *қарБу*, нанайск. *қарБо/у* 'ил; глина; топь; зыбучая поверхность земли' и др.; ССТМЯ I 381), а, может быть, и в нивхском языке (*қарқуылх* 'лишайник'; НивхРС 141).

Вернемся к пбф. **kark-*. На Севере Европейской части России, на прежних территориях проживания прибалтийско-финских народов встречаются многие топонимы на *карг-*, например: *Каргополь, Карголовский, Каргозеро, Каргач, Каргать, Каргобода, Каргободь, Карголома, Каргулино, Каргальский*.

М. Веске (1890 : 3) высказал предположение, что название г. Каргополя связано с фин. *karhu* 'медведь'. Некоторые ученые согласны с ним и в наши дни (Матвеев 1969 : 44; Голубева 1973 : 12). А. И. Попов (1948 : 169) рекомендовал иметь в виду также фин. *karhi* 'борона', что, однако, в семантическом отношении маловероятно. По мнению некоторых исследователей, название Каргополя восходит к *карга* 'скалистая отмель' (КТС 178; СНГТ 291).

На территории нынешних Архангельской и Вологодской областей много болот, поэтому весьма вероятно, что, по крайней мере, часть географических названий с *Карг-* следует соединить с апеллятивами, имеющими значение 'болото', например, несомненно сюда относятся *Каргач* и *Каргать* (см. Субботина 1983 : 83). Возможно, что *Каргополь* восходит к **karka* 'болото' и **pōli* 'сторона', ср. *Сомполье* (Жучкевич 1980 : 138) от **sō* 'болото'.

В восточной Эстонии известны река, болото и деревня с названиями *Kargaja, Kargoja, Kargova* (Pall 1969 : 55). Может быть, и эти топонимы восходят к **kark-* 'болото'. Деревня основана русскими пришельцами не ранее XVIII века (Moora 1964 : 99), поэтому нет ясности, возникло ли название болота на эстонской почве или оно транспортировано с Русского Севера.

**kor-* или **kur-*. Хант. *kor, kōr, хур* и др. 'offenes, baumloses Moor; sehr nasser Rand eines Sumpfes, wo nur kurzes Gras wächst; ungangbarer, mit niedrigen Birken bewachsener Sumpf an Flußläufen; lange, schmaler, mit niedrigem Wald bewachsener Sumpf', *хур-там* 'Waldstreifen mit wenig Bäumen zwischen Sumpfstellen' сопоставлены со словами, имеющими значения 'щель', 'русло' и 'ущелье' (DEWOS 536—538). Семантически такое сближение маловероятно, на что косвенно указывает М. Лиймола (Liimola 1968 : 133—134). 'Ущелье' и подобные понятия образуют самостоятельную группу; в данном случае отсутствуют даже следы контаминации с ними.

Хантыйские слова имеют соответствия в мансийском языке: *хоррә* 'weiche, mit kleinen Birken bewachsene Stelle an der Quelle des Flusses', *к^ад^ари* 'Sumpf am Fluß', *к^борра* 'eine Art wässriger Sumpf, auf dem ausser Kiefern auch Birken, Zedern und Fichten wachsen' (Liimola 1968 : 133).

Фин. *kura* 'слякоть, грязь' и эст. *kura* 'подонки; гуща' под вопросом соединены с герм. **gura* (ср. норв. *gor, gur, går* 'lika, kura, sonta; mår-kå (haavassa)', что полностью не исключено, однако можно иметь в виду и genuинный материал оноματοпоэтического характера: эст. *kuris-tada* 'girren, gurgeln, purgen', фин. *kurama* и др. (см. EEW 1057).

С обско-угорскими словами сходный облик имеет основа эст. диал. *kurendik* 'мокрый сенокос' (VMS I 320), для которого из-за ограниченного распространения скорее допускается самостоятельное параллельное развитие.

**kurs-*. Фин. *kurso* 'vesiperäinen pensaikkoa kasvava paikka, vesakko', *kursu* 'vaikearäpyinen alanko, suonotko', *kursikko* 'pensaikko, risukko', кар. *kuržeikko* 'risukko (metsässä)' считаются либо заимствованием из саамского языка, либо, наоборот, саам. *gurlšo* 'syvä, villi rotko' и др. заимствованием из финского (SKES II 246). Судя по значению саамских лексем 'ущелье', они составляют, как в данной статье неоднократно отмечено, отдельное словарное гнездо. Финские и карельские слова, по нашему предположению, содержат контаминацию понятий 'болото' и 'кустарник'.

В заключение можно сказать, что в работе сделана попытка выяснить происхождение некоторых финно-угорских слов с корнем **kVr-* 'лес' и 'болото'. В результате исследования удалось 1) установить, что возникновение **kVr-* связано с оноματοпозией, 2) доказать, что слова данных семантических групп могут иметь различный возраст и разные истоки, 3) показать существование универсальных путей развития **kVr-* в неродственных языках и 4) дать новые этимологии некоторых апеллятивов и топонимов.

Сокращения

АРС — М. Г. Арсланов, Афганско-русский словарь, Москва 1966; КТС — В. А. Никонов, Краткий топонимический словарь, Москва 1968; ЛРС — Б. Талибов, М. Гаджиев, Лезгинско-русский словарь, Москва 1966; НРС — Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь, Москва 1965; НивхРС — В. Н. Савельева, Ч. М. Таксами, Нивхско-русский словарь, Москва, 1970; ПРС — Персидско-русский словарь I, Москва 1983; ПЯ — В. Н. Топоров, Прусский язык. Словарь. К., Москва 1984; РАС — М. С. Саидов, Ш. Микаилов, Русско-аварский словарь, Махачкала 1951; РЛС — М. Гаджиев, Русско-лезгинский словарь, Махачкала 1950; РТС — Русско-таджикский словарь, Москва—Сталинабад 1949; СВХД — Н. И. Терешкин, Словарь восточно-хантыйских диалектов, Ленинград 1981; СВЯ — М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, Словарь вепсского языка, Ленинград 1972; СНГТ — Э. М. Мурзаев, Словарь народных географических терминов, Москва 1984; СРНГ — Словарь русских народных говоров I—XX, Москва—Ленинград 1965—1990; ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков I, Ленинград 1975; ХРС — В. М. Бескровский, Хинди-русский словарь, Москва 1959; ЭРС — Эрзянско-русский словарь, Москва 1949; ЭСРЯ — М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка I—IV, Москва 1986—1987; ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков I—XIV, Москва 1974—1987; DEO — N. Nielsen, Dansk etymologisk ordbog, København 1976; EKMS — A. Saareste, Eesti keele mõisteline sõnaraamat I—IV, indeks, Stockholm 1958—1979; EWA — M. Mauryhofer, Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen I, Heidelberg 1989; EWBS — M. Löpelmann, Etymologisches Wörterbuch der baskischen Sprache I, Berlin 1968; IW — E. Itkonen, Inarilappisches Wörterbuch I, Helsinki 1986 (LSFU XX₁); KKS — T. I. Itkonen, Koltan ja kuolanlapin sanakirja I, Helsinki 1958 (LSFU XV); LEW — E. Fraenkel, Litauisches etymologisches Wörterbuch I, Heidelberg 1962; SEO — E. Heilquist, Svensk etymologisk ordbok, Lund 1922; VMS — Väike murdesõnastik I, Tallinn 1982; WHD — I. Herms, Wörterbuch Hausa-Deutsch, Leipzig 1987; WWM — W. Schlachter, Wörterbuch des Waldlappendialekts von Malå und Texte zur Ethnographie, Helsinki 1958 (LSFU XIV).

ЛИТЕРАТУРА

- Веске М. П. 1890, Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Казань.
- Голубева Л. А. 1973, Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв., Москва.
- Жучкевич В. А. 1980, Общая топонимика, Минск.
- Иллич-Свитыч В. М. 1971, 1976, Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский), Москва.
- Макаев Э. А. 1970, Структура слова в индоевропейских и германских языках, Москва.
- Матвеев А. К. 1969, Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. — ВЯ, № 5, 42—54.
- Панин Л. Г. 1985, Лексика западносибирской деловой письменности: XVII — первая половина XVIII в., Новосибирск.
- Попов А. И. 1948, Топонимика Белозерского края. — Ученые записки Ленинградского государственного университета 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2, 164—174.
- Ракин А. Н. 1984, Словообразовательная структура фитонимов коми языка. — Труды Института языка, литературы и истории 31. Вопросы лексикологии и словообразования коми языка, 156—176.
- Субботина Л. А. 1983, Географическая терминология Белозерья и ее отражение в топонимии. — Методы топонимических исследований. Сборник научных трудов, Свердловск.
- Edgerton, F. 1985, *Buddhist hybrid sanskrit grammar and dictionary* 2, Delhi.
- Hakulinen, L. 1968, *Suomen kielen rakenne ja kehitys*, Helsinki.
- Kalima, J. 1919, *Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen*, Helsinki (MSFOu 44).
- Kettunen, L. 1922, *Lõunavepsa häälik-ajalugu I*. Konsonandid, Tartu.
- Liimola, M. 1968, *Etymologische Bemerkungen*. — MSFOu 145, 133—138.
- Moora, A. 1964, *Peipsimaa etnilisest ajaloost. Ajaloolis-etnograafiline uurimus eestivene suhetest*, Tallinn.
- Nikkilä, O. 1987, Über die germanische Herkunft einiger ostseefinnischer Bezeichnungen für Nutzholz. — СФУ XXIII, 237—247.
- Pall, V. 1969, *Põhja-Tartumaa kohanimed I*, Tallinn.
- Sauer, G. 1967, *Die Nominalbildung im Ostjakischen*, Berlin (Finnisch-ugrische Studien 5).

ENN ERNITS (Tartu)

UBER DIE HERKUNFT UND SEMANTIK DER WORTWURZEL *kVr*-
IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

Die Entstehung der Wortwurzel **kVr*- ist mit der Onomatopoesie verbunden. Baum und Wald bezeichnende Wörter ahmen den Klang nach, der während der Zerstückelung von Holzmaterial entsteht. Die Wörter mit den Bedeutungen 'Schmutz' und 'Moor' erinnern an Klänge, die beim Gehen in sumpfigen und kotigen Stellen zu hören sind. Damit sind universelle Entwicklungswege der Wörter aus obengenannten semantischen Gruppen in den nichtverwandten Sprachen bewiesen.

kVr*- 'Zweig; Busch; Gebüsch; Baum; Wald': **kar*- > fi. *kara* 'harter, getrockneter Ast', *karanka* 'Stange; getrockneter Fichtenzweig', komi und udm. *karnan* 'Schulterjoch'; **karč*- > fi. *karhi* 'Egge aus ästigem Zweig', mdM *karča* 'Reis'; ?kari*- > weps. *kardan kuž* 'harzreiche Fichte' (vgl. russ. dial. *kardač* 'sumpfige Stelle' < f.-u.); **ker*- > komi und udm. *kor* 'Balken', komi *keravni*, udm. *korani*, mdE *kefäms* 'abhauen'; **kor*- > fi. *korento* 'Stange; Schulterjoch', komi *koręs* 'langer Schöber'; **korp*- > fi. *korpi* 'Urwald'; **kur*- > fi. *kurikka* 'Keule; Schlängel'; *kursikko* 'Gebüsch'; **kär*- > lp. *skier're* 'Betula nana', chant. *kerðš* 'Salix sibirica'.

**kVr*- 'Schmutz; Moor; Moorwald': **kar*- > fi. *karpalo* 'Moosbeere', est. *kaarel* 'Moltebeere', lp. *kärrii* 'Moor'; **kark*- > fi. *kaarkema* 'Moor', lp. *kargaš* 'morastiges Waldgebiet', mdE *kargoč* 'schmutzig', chant. *karqis päj* 'Moorinsel', russ. *Каргополь*, *Каргач*, *Каргозеро*; **kor*- oder **kur*- > chant. *kor*, mans *xorqə* 'Moor', ?fi. *kura* 'Schmutz'; **kurs*- > fi. *kursu* 'niedrige Moorstelle'.